

■ “ВОЛШЕБНАЯ ФЛЕЙТА”: аромат эпохи

Майкл Купер

В 1950–60-х гг. я изучал в школе множество разных предметов: что нравилось — давалось легко, а что не нравилось — навевало тоску. Когда подошло время выпускных экзаменов, хотелось выбрать химию, физику и искусство. Но шансов на это не было: приходилось выбирать между наукой и искусством. Мне сказали, что страна и рынок труда больше нуждаются в ученых, чем в художниках, и я выбрал науку.

Но с идеей трудно было расстаться, и я оказался на “ничейной” территории между искусством и наукой: университетские преподаватели находили странными мои восторги по поводу красоты химических реакций или элегантности теории строения кристаллов. Они не могли понять, почему эссе на тему “Фотография: наука или искусство?”, моя итоговая учебная работа, так волновала меня.

Потом в течение нескольких лет я работал в промышленности красителей, занимался вредными продуктами неправильно протекавших химических реакций, моделированием полей орошения, проблемой отравления форели в лаборатории по биохимическому анализу сточных вод. Все это меня не устраивало. Переменив множество мест работы, я остановился в конце концов на торговле предметами искусства, керамикой и ювелирными изделиями в небольшой коммерческой галерее, а через несколько лет почти случайно стал заниматься каталогизацией насекомых и растений в одном естественно-историческом музее. К тому времени я научился еще и макрофотографии растений и минералов, и вот это сочетание искусства и науки вернуло меня к тому, о чем мечталось. Я обнаружил у себя еще и охоту копаться в истории и способность так нанизывать друг на друга слова, что другим доставляло удовольствие это читать. Мои старые учителя удивились бы: ведь в школе английский язык и история шли у меня хуже всего. Я и теперь работаю в музее, руковожу документацией, и мне есть дело до всего — до минералов и керамики, археологии и истории производства, до чучел животных и до изящных искусств, и я благодарен, что выпал случай с толком использовать диапазон моих интересов.

Зачем я пишу об этом? Пожалуй, толчок моим мыслям дало чтение статьи Бориса Зиновьевича Кантора “Волшебная флейта...” в этом выпуске Минералогического Альманаха, этого восхитительного рассказа о личностях, связанных с музыкой и жизнью Моцарта. Что проще: идти от искусства к науке или наоборот? Помогает ли одно другому? Что между ними: непрерывный переход, как считают некоторые, или граница, непреодолимый разрыв? Я все еще нахожу, что мое погружение в научный метод остается полезной основой для мыслей и

работы, от создания баз данных до анализа информации. Что изменилось бы, если бы я сначала стал художником? Скорее всего, я никогда об этом не узнаю, но было бы интересно.

При видимой простоте, персонажи этой истории жили крайне насыщенной жизнью. Они соединяли искусства и науки — это было почти общепринятым способом жить и казалось тогда гораздо более естественным, чем теперь. Им представлялись случаи вносить важные вклады в выбранное для себя дело и находиться на его переднем крае. В их время, и потом, в течение еще многих десятилетий, было и возможно, и принято овладевать разными дисциплинами, которые еще не были тогда столь разработаны, и дилетантство еще не стало позорным клеймом, ныне налагаемым на подобный подход к познанию мира. Коллекционер минералов Фрэнсис Гревилл (1749–1809) даже ставил его себе в заслугу, будучи членом “Общества дилетантов” (группы собирателей и покровителей искусств), а также покровителем наук почти на уровне Джозефа Бэнкса*. Он основал Королевское общество садоводов, затем стал членом Торговой палаты (где помогал торговцу минералами Генри Гейланду импортировать в Англию русские минералы) и, наконец, лордом Адмиралтейства. Его коллекция минералов, основанная в 1773 году на базе одной из коллекций Игнаца фон Борна (еще одно имя в истории “Волшебной флейты”), была к концу его жизненного пути лучшей в мире частной коллекцией. По специальному Акту Парламента она была приобретена, чтобы стать национальным достоянием.

Даже в конце XIX столетия еще был возможен подобный переход от одного к другому. Знаменитый торговец минералами Фрэнсис Х. Батлер (1849–1935), имевший два образования — горного инженера и врача — занимался и тем и другим; он был еще и эссеистом, поэтом, издателем и при этом весьма уважаемым торговцем минералами и другими образцами, созданными природой. Но возрастающий профессионализм науки и взрывная эскалация сложности научных дисциплин оставили такой способ жизни в прошлом. Не говоря уже о тех переменных в искусстве и в художниках, что произошли со времен Моцарта. Очень трудно представить, что сегодня актер может стать выдающимся ученым, правда, вполне может стать президентом США...

Но вернемся к главной теме статьи. Карл Людвиг Гизеке, появившийся на свет в Аугсбурге (Бавария), как Йоганн Георг Метцлер, из певца, актера и либреттиста “Волшебной флейты” стал “поставщиком минералов императорского и королевских дворов”, геологом-первопроходцем и, в конечном счете, профессором минералогии в Дублине (Ирландия), хотя в то время он еще едва говорил по-английски. Замечательная жизнь — или жизни, на что намекает загадочная перемена его имени. Немало удивительно одаренных людей так или иначе связанных с последней оперой Моцарта. И Борн, и Распе (писатель, начинавший как минералог) и, наконец, Людвиг фон Кёхеля, эпоним знаменитого “К” в каталогах моцартовских творений.

200-летняя годовщина смерти Моцарта ознаменована открытием моцартита, названного в память о молодом гении. Понимали ли открыватели этого минерала, как глубоко связаны были минералогия с историей Моцарта? Полагаю, едва ли; но хочется думать, что эхо их жизней слышно через столетия.

* Сэр Джозеф Бэнкс (1743–1820) — английский дипломат и натуралист, ботаник, покровитель наук, участник первой экспедиции Дж. Кука. Впервые доставил в Европу эвкалипт, мимозу и другие растения. — Ред.